

Вершины Блока

К 100-летию со дня рождения великого русского поэта

«Россия гибнет», «Россия больше нет», «Вечная память России», — слышу я вокруг себя.

Но передо мной Россия: та, которую видели в устрашающих и пророческих снах наши великие писатели; тот Петербург, который видел Достоевский; та Россия, которую Гоголь назвал несущейся тройкой.

Россия — буря. Демократия проходит, «копаясь» бурей...»

Россия суждено пережить муки, унижения, разделения; но она выйдет из этих унижений новой и — по-новому великой...

Дело художника, ОБЯЗАННОСТЬ художника — видеть то, что задумано, слушать ту музыку, которой гремит «разорванный ветром воздух»... «Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте революцию...»

ЭТОТ НАБАТНЫЙ, пророческий призыв к русской интеллигенции, опалюющий и сегодня людские сердца огнем революционной романтики и верой в завтрашний день России, прозвучал над миром в самые первые незабываемые, тревожные, героические дни Великой Октябрьской бури — в январе 1918 года, в статье «Интеллигенция и Революция» — в дни, наполненные и радостью революционного обновления России, и яростной, лютой ненавистью старого буржуазного мира, и светлой мечтой восставшего народа.

Это был голос Александра Блока — достойного сына России, для которого уже давно судьба его Родины, народа стали его судьбой, сутью всей его жизни и творчества.

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые —
Как слезы первые любви!

Сколько надо было пережить, перестрадать художнику вместе со своим народом, чтобы в его сердце родились наполненные великой болью и великой любовью к России такие строки:

Черта за кругом плавыи круг,
Над сонным лугом коршун кружит
И смотрит на пустынный луг, —
В избушке мать над сыном тужит:
«На хлеба, на, на грудь, соси,
Расти, покорствуй, крест неси!»

Идут вена, шумит война,
Встает мятеж, горят деревни.
А ты все та же, моя страна,
В красе заплаканной и древней, —
Доколе матери тужить?
Доколе коршуну кружить?

Всего двенадцать строк в стихотворении «Коршун». Блок написал его в 1916 году. Но оно стоит иных поэм.

То, что Россия находилась в преддверии социальных потрясений, Блок чувствовал все очевиднее, связывая это прежде всего с пробуждением творческой энергии всего народа. Еще в 1915 году Александр Блок с гениальной прозорливостью поэта и мыслителя записывает в своем дневнике:

«...Будущее России лежит в еле еще тронутых силах народных масс и подземных богатств». И далее подчеркивает: «...Россия явно требует уже не чиновников, а граждан; ...а какое великое ВОЗРОЖДЕНИЕ, т. е. СДВИГ ВСЕХ СИЛ, нам предстоит и до какой степени техника и художественное творчество немыслимы друг без друга... мы скоро увидим, ибо если мы только выправимся после этого потока, нам предстоит перенестись как

на крыльях в эпоху ВЕЛИКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ...»

Вещие слова! Особенно современно они звучат ныне, в век научно-технической революции, в те дни, когда наука в нашей стране все более становится могучей производительной силой. А претворение до конца, в действительность прозорлившей мысли Блока о внутреннем органическом единстве в будущем «техники и художественного творчества», о формировании гармонически развитой личности, разве не остается эта задача одной из насущнейших задач нашего времени. Да! Истинный поэт всегда опережает свое время; мысль его всегда с заглядом в будущее!

По мере развертывания событий после февраля 1917 года Блок все отчетливее начинает осознавать, какая реальная сила способна прекратить войну, дать народу мир и вывести Россию на путь «великой демократии». Осенью 1917 года, когда одна декадентская поэтесса (позднее в эмиграции злобно клеветавшая на Советскую Россию) спросила Блока с издевкой: «Уж вы, пожалуй, не с большевиками ли?» — он ответил: «Да, если хотите, я скорее с большевиками. Они требуют мира». Этот разговор происходил 15 октября. А через четыре дня — 19 октября — Блок записывает в своем дневнике: «Один только Ленин верит, что захват власти демократией действительно ликвидирует войну и наладит все в стране».

Через несколько месяцев, едва ли не в самые напряженно-драматические дни молодой Советской республики, Блок вновь в своем дневнике говорит о Ленине.

23 ФЕВРАЛЯ 1918. «Ц. К. большевиков — за мир (Ленин: «Я устал от революционных фраз»). Ц. К. левых с.р. — большинство 6 против 4 — против мира...»

25 ФЕВРАЛЯ 1918. «Рабочих съездал ночью Ленин. Немцы взяли Псков и в 8-ми часах от Петербурга. Мира, повидимому, не принимают».

31 АВГУСТА 1918. Тревожная лаконичная запись Блока: «Ленин ранен».

1 СЕНТЯБРЯ 1918. «Ленину лучше».

Читая волнующие дневниковые записи Блока о Ленине, вспоминаешь вдохновенные слова, сказанные тогда же, в 1918 году, о Ленине Алексеем Максимовичем Горьким: «Факел русской революции, освещающий весь мир, крепко держит Владимир Ленин».

И еще: вспоминаются крылатые строки Владимира Маяковского: «Я в Ленине мира веру славою и верую» и такие же произительно-исповедальные строки Сергея Есенина: «Я счастлив тем, что сумрачной порою одними чувствами я с ним дышал и жил».

В ЖИЗНИ И НАСЛЕДИИ каждого великого художника есть такие взлеты духа, такие гениальные «прозрения» будущего, такие нравственные, этические высоты, такие неповторимо-дерзкие произведения — вершины его гражданской и творческой зрелости, — которые неодолимо притягивают к себе наши сердца и души. В таких вершинных произве-

дениях перед нами зримо раскрывается в наиболее характерных чертах мир художника, его эпоха. В них с наибольшей социально-философской глубиной, бывает новаторски «схвачены» и запечатлены образ времени, те главные исторические события и людские судьбы, которые с особой силой поразили воображение художника, его ум и сердце. Именно в таких вершинных произведениях чаще всего звучит со все возрастающей силой музыка революционного обновления мира.

Нет! Не случайно, всегда предельно строгий в оценке своего таланта, Александр Блок, завершив 29 января 1918 года поэму «Двенадцать», записывает в дневнике: «Сегодня я — гений».

«Двенадцать» — первая октябрьская поэма в советской литературе. Уже один этот факт делает ее историческим произведением. Но заслуга Блока не только в дерзновенном подвиге художника-первооткрывателя. «...Новое... будет совершенно иным, — говорил Блок в первые месяцы революции. — Не Романовым, не Пестелем, не Пугачевым. Его создаст сам державный народ, единственно способный обеспечить себе действительно светлое будущее». И Блок первым из поэтов старшего поколения услышал несокрушимую поступь поднимающегося на борьбу народа, его державный шаг и показал в «Двенадцати» героев революции, разрушающих старый мир и прокладывающих путь в будущее.

Объективный революционный пафос поэмы «Двенадцать» для нас сегодня, «на расстоянии», особенно ясен и очевиден при всем своеобразном блоковском восприятии событий Великого Октября. Он, этот пафос, и в искреннем приятии поэтом революции, и в тревожном волнении за исход схватки восставших с вражескими силами, и в решительном осуждении старого мира, этого, по образному выражению Блока, «безролого пса» истории.

Новый мир в поэме олицетворяют двенадцать красногвардейцев, идущих в глущую выюжную ночь по улицам Петрограда. Они призваны охранять завоевания Октября. Революционный долг — вот главное, что движет их поступками. Ради торжества народного дела они «ко всему готовы», им «ничего не жаль». Выше этого для них теперь, когда они связали свою судьбу с революцией, нет ничего.

В очи бьется
Красный флаг.
Раздается
Мерный шаг.

Вперед, вперед,
Рабочий народ!

В призыве к борющемуся народу оберегать и защищать свет Октябрьской победы, быть бдительным и сурово карать врагов революции с особой силой проявился гуманизм Блока, признание исторической необходимости и справедливости революционного насилия над старым миром. В ответ на «гуманные» сетования защитников буржуазной «свободы и демократии» по поводу «жестокостей» революционного народа Блок говорил: «Что же вы думали? Что ре-

волюция — идиллия? Что творчество ничего не разрушает на своем пути? Что народ — паищка?» Да, в «Двенадцати» Блок далек от мирной идиллии и, что не менее важно, от абстрактного революционного восторга. Огненное дыхание тех незабываемых дней, суровый реализм и правду революции читатель ощущает в каждом эпизоде, в каждой картине, созданной художником. В облике двенадцати красногвардейцев, в рассказе об их действиях в революционное время нет и тени ложной красоты. Более того, поэт не боится показать, что подчас их героический порыв проявляется еще стихийно, что справедливое революционное насилие порой уживается у этих красногвардейцев с анархическим бунтарством. И вместе с тем мы все время видим, чувствуем, как борьба за свободу закаляет их характеры, как пламя революции очищает их души. В конце поэмы двенадцать красногвардейцев — это те безымянные революционные герои, имя которым легион. В «Двенадцати», своей лебединой песне, Блок поднялся к вершинам русской классической поэзии. Тогда же он создал и другой шедевр — «Скифы».

Художественный ключ, которым Блок столь блистательно открыл тему Октября в поэзии, соединив суровую революционную романтику с реалистическим показом действительности, стал достоянием всей советской поэзии. Можно без всякой натяжки сказать, что державная поступь рабочего народа в «Двенадцати» гулким эхом отдается и в «Главной улице» Демьяна Бедного, и в «Песне о великом походе», и в «Балладе о двадцати шести» Есенина, и едва ли не всего слышнее она в поэме «Хорошо!» Маяковского, который отмечал, что «творчество Александра Блока — целая поэтическая эпоха...».

Блок до конца жизни остался верен революционному идеалу «Двенадцати», несмотря на травлю и клевету, которую обрушили на него защитники старого мира после выхода поэмы. А когда они начали уверять себя и других, что Блок после опубликования поэмы «раскаялся» в ее написании, то в ответ на их уверения поэт в конце 1920 года заявил: «Двенадцать» — какие бы они ни были — это лучшее, что я написал. Потому, что тогда я жил современностью».

Удивительное единство слова и дела — вот что характерно для Блока как поэта и человека. Вот почему почти одновременно в сердце, душе, уме художника вместе с бессмертной поэмой «Двенадцать», рождался его знаменитая публицистическая статья «Интеллигенция и революция». Еще в 1919 году газета «Правда» подчеркивала, что Блок не только призывал интеллигенцию «слушать революцию», но и сам всем сердцем слушал ее. «И плодом этого явилось величайшее достижение его поэзии и в то же время русской поэзии после Пушкина, Некрасова, Тютчева — его поэма «Двенадцать».

В страстной, напряженной, бескомпромиссной, полной глубочайших идей, мыслей, теоретических обобщений и открытий послеоктябрьской

публицистике Блока его статья «Интеллигенция и Революция» по праву является вершиной. Она и предельно исторична, и удивительно современна. Она, как заветное письмо будущему, и прежде всего, художнику новой революционной России, художнику свободного мира — мира гармонии, красоты человеческого духа, мира царства разума и свободы, в приход которого Блок свято верил до последних дней жизни, — верил, сомневаясь и отрицая, судя себя и других судом совести, судом поэзии; верил, мучительно, трагически переживая «гримасы» буржуазной цивилизации, рабство и нищету России, ее боли народные, ее военные поражения и невзгоды; верил в то, что «жизнь — прекрасна» в самые страшные годы самодержавия.

При этом Блок подчеркивает, что даже в самые тяжелые дни в прошлом России великие русские художники — Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой... верили в свет. Они знали свет. Каждый из них, как весь народ, выносивший их под сердцем, скрежетал зубами во мраке, отчаянии, часто злобе. Но они знали, что рано или поздно все будет по-новому, потому что жизнь прекрасна... Жить стоит только так, чтобы предъявлять безмерные требования к жизни».

ПОЧЕМУ именно Блок обращается к русской интеллигенции со взволнованным словом — служить своим талантом Революции. Ответ мы находим во всей жизни Блока до революции, в его постоянном, страстном поиске истины, в его отношении к войне, к самодержавию, царизму, в его вере в будущее своего народа, России, утвердившей себя для этого будущего еще на поле Куликова.

Все было не так просто, не так однозначно в судьбах русской интеллигенции в годы Октября. Вспомним эпопею Алексея Толстого «Хождение по мукам» — роман об утраченной и вновь обретенной родине ее героями, честными русскими интеллигентами.

Понадобились и время, и мудрая, дальновидная ленинская политика партии по отношению к «старой» интеллигенции, чтобы она встала навсегда на сторону Советской власти.

Что же касается Блока, то он, призывая «слушать революцию», стремился, предвидя возможное негативное выступление некоторых «революционеров» против культуры прошлого, связать, слить органически эту культуру с революционной Россией, ее будущей культурой. В этом плане особенно очевидным является его отношение к Пушкину. Как бы отвечая всем тем, кто уже готов был «сбросить Пушкина» вместе с Толстым и Достоевским с «парохода современности», Блок в своей ставшей уже давно исторической речи о Пушкине, произнесенной им 11 февраля 1921 года, с особой силой подчеркивает, что «сегодня мы чтим память величайшего русского поэта».

В наши дни нам все очевиднее открывается в самом Блоке, его поэзии, драматургии, исторической публицистике, литературно-общественной деятельности истинно пушкинское начало. Наследуя традиции классической поэзии XIX века, Александр Блок не только бережно хранит их в своей душе и сердце, но новаторски развивает и обогащает, как великий поэт двадцатого столетия.

Юрий ПРОКУШЕВ.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ
МОСКВА

18 НОЯ 1980